

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ

КНИГА О ТОМ,

КАК ДЕЛАТЬ

ТОЛЬКО ТО,

ЧТО ХОЧЕТСЯ,

И

БОГАТЕТЬ

ДЭННИ МАКАСКИЛЛ

Travel Story. На грани возможного

Дэнни МакАскилл

**Жизнеутверждающая книга
о том, как делать только
то, что хочется, и богатеть**

«ЭКСМО»

2016

УДК 796.61:929
ББК 75.721.7

МакАскилл Д.

Жизнеутверждающая книга о том, как делать только то, что хочется, и богатеть / Д. МакАскилл — «Эксмо», 2016 — (Travel Story. На грани возможного)

ISBN 978-5-699-98550-0

Дэнни - отшельник. Он живет на окраине, в квартире с друзьями, и занимается тем, что любит. А любит он свой велосипед и головокружительные трюки на грани возможного. Он объездил весь свет, являясь посланником Red Bull. Шотландия, Испания, Италия, Бразилия... Список покоренных стран можно продолжать бесконечно, и в каждой он бросал себе вызов, раз за разом снимая более сумасшедшие видео. Его видео набрали более 50 000 000 просмотров. Трудно представить себе что-то еще более необычное, чем то, что делает он. Прыжки на скорости по крышам высотных зданий, с хребтов гор прямо в пучину океана и в других экстремальных условиях. Своей историей МакАскилл показывает, как простой парень, который так сильно любил кататься, смог стать мировой звездой и заработать миллионы своей страстью, заставить весь мир смотреть свой канал, затаив дыхание, боясь, что сейчас он сорвется... И вновь и вновь показывать всем – именно он изменил гравитацию.

УДК 796.61:929

ББК 75.721.7

ISBN 978-5-699-98550-0

© МакАскилл Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Оглавление #2	7
I	8
II	12
III	17
IV	22
V	27
VI	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дэнни МакАскилл
Жизнеутверждающая книга
о том, как делать только
то, что хочется, и богатеть

Danny MacAskill

AT THE EDGE: RIDING FOR MY LIFE

© Danny MacAskill 2016

The author has asserted his moral rights.

All rights reserved.

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London. Text
Copyright.

© Ибрагимов Э.Э., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

Оглавление #2

(Как говорится, не пытайтесь повторить это дома)

То, что я делаю, опасно, и чтобы научиться этому, мне понадобились годы практики. Были свои ухабы и переломы, конечно же. Я бы очень не хотел услышать о том, что кто-то изувечил себя, пытаясь подражать велосипедисту-экстремалу, и уж тем более я не хотел узнать бы, что это произошло после прочтения моей книги. Вот наглядный список происшествий, в которых я успел побывать на данный момент. Если у вас вдруг возникнет непреодолимое желание сделать бэкфлип между двумя неблизко расположенными друг от друга зданиями, перечитайте его...

1. Осторожно! Возможно падение ржавых железок!
2. Инцидент с расплавленным свинцом
3. Невероятная история об отбитом колене
4. Повреждение ключицы № 1
5. Повреждение ключицы № 2
6. Заражение кожи после контакта с рыбным баком
7. Повреждение ключицы № 3
8. О том, что бывает, если поскользнуться на гусином помете
9. Как разорвать фиброзное кольцо
10. Обстоятельства, вынуждающие лечь под нож
11. Блуждание в лабиринте
12. Как я врезался в бак, выполняя футджем тейлвип.

Сцена первая

Скалы, Лас-Пальмас-де-Гран-Канария

Дэнни МакАскилл, велосипедист, выступающий в велотриалах и снимающий экстремальные видео, готовится к самому эпичному трюку из всех, которые он когда-либо совершал: переднее сальто с ramпы, устроенной на вершине скалы. Выполняя этот зубодробительный финт, он должен перемахнуть через ряд булыжников и упасть прямо в море с высоты 15 м – если все пойдет по плану.

Перед прыжком Дэнни едет по крышам города Лас-Пальмаса под чистым синим небом. На нем футболка Drop and Roll (Drop and Roll – шоу профессиональных велосипедистов, в котором участвует Дэнни МакАскилл. – *Прим. ред.*) и шлем. К шлему прикреплена камера.

Съемка от первого лица; мы видим, как он спрыгивает с уступа и приземляется на высоких строительных лесах. Снизу устроена сымпровизированная ramпа. Он приземляется на вершине, крутит педали изо всех сил; в поле зрения попадает обрыв. Вдалеке горизонт, вблизи камни – и нырок в океанскую толщу...

Cascadia, 2015

I

Свободное падение

Ничто не могло помешать мне прыгнуть с обрыва. Ни пенящаяся вода, ни острые камни, оскаливающиеся всякий раз, когда волна отступала, ни высота в 15 метров. Я летел через край. Со мной был мой велосипед.

Со всех сторон я был окружен камерами, снимающими все это безумие. Одна была прикреплена к моему шлему, другая, маячившая над головой, находилась в дроне. Каждый объектив фиксировал размах и масштаб того, что я собирался совершить: для знаменательного финального кадра нашего видео 2015 года под названием Cascadia я намеревался скатиться с ramпы настолько быстро, насколько это возможно. Она была сделана из строительных лесов в одном небольшом переулке города Лас-Пальмас-де-Гран-Канария. За прыжком с края следовал долгий, долгий, *долгий* прыжок в море.

За несколько недель до этого, когда я предложил исполнить этот трюк, я был довольно спокоен, но теперь, когда настало время его совершить, я порядочно нервничал. Я переживал, что не рассчитаю скорость разгона и врежусь в камни внизу. В отдельных местах глубина была меньше 5 метров, что, как по мне, обещало весьма негладкую посадку. Кроме прочего, море выглядело беспокойным. Тут и там появлялись пенистые водовороты, в которые совсем не хотелось соваться. Острые камни были усеяны крабами. Может, мне стоило пересмотреть свою траекторию? Самое меньшее, чем я мог отделаться, прыгая с такой высоты, – это болезненный удар всего тела при контакте с водой. А что кроме этого? Эх, кто бы знал.

А потом – *щелк*. После часа раздумий что-то в моей голове переклинило и заставило меня решиться. Я спрыгнул с края лесов, сделав во время падения плавный тейлвип, заехал на ramпу – и вложил всего себя в педали. Здания пролетали мимо меня. Все, что я слышал, – это лязг стальных труб под моими шинами. *ЛЯЗГ! ЛЯЗГ! ЛЯЗГ! ЛЯЗГ!*

Закат, горизонт, море – все накренилось ко мне. Я сорвался с края. Ветер хлестал в лицо. Затем...

Ничего.

Тишина.

Облегчение.

Я не сумасшедший.

Уверен, мои видео на YouTube могут заставить вас думать иначе, но все, что я делаю, выверено, просчитано; когда я на велосипеде, я точно знаю, что способен выдать, работая на пределе своих возможностей, и я действую только в этих пределах. Может показаться, что мне жизнь не мила, особенно когда я сбрасываюсь с обрыва или делаю гэпы между высокими зданиями, но на самом деле я никогда не рискую по-крупному – ну, во всяком случае, точно не по-глупому.

Все мои трюки начинаются с огромной работы по подготовке и бесконечных психологических мучений: огромное количество времени уходит у меня только на то, чтобы настроиться на слет по ramпе, переднее сальто или выполнение таер тэп тейлвип на огромной высоте. Большая часть съемок проходит в проклипании себя за то, что я не могу просто-напросто взять и с ходу выполнить этот прыжок, вместо того чтобы бесконечно о нем переживать. Хотел бы я легче переносить все это. Иногда моя работа – настоящая заноза в заднице.

К счастью, у меня нет никаких фобий. Я не боюсь высоты, скорости, даже пауков не боюсь; а с болью у меня особые отношения: она мне особых хлопот не доставляет, что очень удобно, когда падения и расшибленное лицо являются ежедневной рутинной рутиной твоих будней.

Тем не менее во время уличных триалов – на высокой скорости и огромной высоте, с использованием повседневной «мебели» вроде лестниц, лавок и перил, – я всегда напряжен до предела.

Для тех, кто не очень ясно представляет себе, что такое триальная езда, расскажу: все началось с соревнований, во время которых горные велосипедисты должны были объезжать и перепрыгивать препятствия максимально быстро. Фишка в том, что ноги на землю ставить нельзя. Райдер должен преодолеть определенный маршрут с расположенными на нем корягами, камнями, стенами и старыми машинами. Как только он проезжает через стартовые ворота, секундомер начинает отсчет. Соревнующиеся проезжают весь путь сектор за сектором; каждый раз, когда их ноги касаются земли, им зачисляется одно штрафное очко (или дэб). Максимальное число дэбов за сектор – 5, дальше – дисквалификация. Кто преодолеет весь путь, уложившись по времени и получив наименьшее число дэбов, тот и победитель.

Уличные триалы – одно из ответвлений этого стиля, но только они, в отличие от вышеописанных, не соревновательные. Вместо того чтобы лавировать среди баррикад в течение определенного временного промежутка, велосипедист проявляет креативный подход к предметам повседневного употребления. (Например, к автобусным остановкам, телефонным будкам и перилам, которыми вы пользуетесь каждый день по пути на работу.) Трюки часто снимаются на видео и выкладываются в соцсети (до этого видео распространяли через DVD- и видеокассеты), и, если повезет, они становятся популярными.

Уличные триальные заезды – занятие рисковое. Почему? Ну, для начала следует сказать, что тому, кто на это решился, предстоит вынести кучу ссадин и переломов. Я занимаюсь этим всю жизнь и в процессе записал много видео, но страх падения никогда не исчезает; особенно ярко он проявляется в те моменты, когда предстоит столкнуться с неизвестным. Однажды я сделал переднее сальто с Эдинбургского замка – вот тогда я порядочно потрепал себе нервишки. В другой раз я спрыгнул с вершины заброшенной бойни в покинутом аргентинском городке: с одной стороны внизу находился неустойчивый потолок, 4 метрами ниже; с другой – провал глубиной 12 метров, на дне которого валялась куча сломанного бетона. Тогда тоже стресс был еще тот. Был еще случай, когда я должен был проехать по зубчатому забору: одно неверное движение могло привести к тяжелым травмам в области поясницы.

Чтобы заставить себя выполнить трюк, я щелкаю «переключателем уверенности» – специальным рубильником у меня в голове, который выводит меня из состояния тревоги и настраивает на позитив; но перед тем, как мне это удастся, я иногда часами бесцельно нарезаю круги. Я даже веду беседы с самим собой, ведь это крайне стрессовый опыт – стоять на обрыве на высоте 12 или 15 метров, готовясь к прыжку, или делать сальто над препятствием, зная, что падение может повлечь за собой серьезные последствия. Я сомневаюсь в себе. Переживания так и норовят прокрасться в душу. Но у меня есть четко очерченная цель. Моя задача состоит в том, чтобы нажать на кнопку и направить себя по тому маршруту, который на видео будет выглядеть великолепно.

В итоге я ставлю ноги на педали и ощущаю прилив энергии. Все вокруг меня будто бы тает в такие моменты: пропадает и ветер, и шум, и страх, и камеры. Я полностью сосредоточиваюсь на том, что должен сделать и как я должен это делать. Обычно я заранее прокручиваю все это в голове по сотне раз. Я просто должен увидеть весь трюк от начала до конца, желательно без падений.

Меня постоянно спрашивают, каково это – успешно выполнить прыжок с огромной высоты или бэнгер. Чаще всего я попросту чувствую облегчение. Никакого восторга нет. Словно я совершаю движения, которые заранее знал, а в следующую секунду понимаю, что приземлился и я цел. Я ощущаю некую удовлетворенность, но мимолетно. Реально я включаюсь только после выполнения трюка, когда смотрю отснятое видео. Вот тогда-то я наконец оживляюсь и могу даже обрадоваться.

Иногда все проходит не по плану – я падаю или криво приземляюсь, – но даже это лучше, чем просто смотреть через руль и думать: а что, если? Когда я запарываю трюк, я хотя бы начинаю чувствовать, что должен выполнить все как надо. Так легче вернуться обратно и повторить все сначала, потому что я знаю, что ждет на той стороне.

Многим мои трюки могут показаться безумными или даже опасными для жизни, но я так не считаю. У меня все под контролем, и я, пожалуй, более устойчиво стою на педалях, чем на своих двоих. В Cascadia я разъезжаю по крышам и балконам, ширина которых составляет 30 сантиметров, может, полметра. С одной стороны, плоская поверхность – *безопасность*; с другой провал в несколько этажей – *очень серьезные травмы*. Одной лишь высоты было бы достаточно для того, чтобы вызвать у многих кошмары, но меня полностью устраивало гонять по краям и делать между ними гэпы. Это не казалось таким уж опасным. Я проделывал все эти трюки на уровне тротуара так часто, что был уверен: даже если потеряю баланс, я смогу приземлиться так, чтобы избежать серьезных повреждений. За долю секунды я могу сместить центр тяжести таким образом, что приземлюсь на выступ здания, а не рухну вниз с высоты.

Чаще всего я отодвигаю эти мысли в периферийные области сознания и концентрируюсь на том, что меня окружает. Вместо узкого края и пропасти под ногами я мысленно представляю себя в детстве в нашем саду, представляю, как я катался по узкой тропинке, бежавшей от одного края газона до другого. Я катался по этой линии туда-сюда раз за разом и никогда не сбивался с курса. Воспоминания о тех днях помогают мне забыть о последствиях падений, потому что, ну... *Я в них не падаю*.

Разумеется, что-то катастрофическое *может* произойти. У моего велосипеда может оказаться какая-нибудь механическая неисправность, из-за которой меня сбросит с сиденья в самый неподходящий момент, но в целом я спокоен. Свое снаряжение я тщательно проверяю, а то, что я делаю, не доставляет мне неудобств и кажется мне естественным. Еще для меня важно оставаться сосредоточенным – в психологическом смысле я расчетлив. Я не запрограммирован на то, чтобы быть вконец безбашенным или безразличным, и у меня хватает страха, чтобы не рисковать жизнью ради выполнения трюка, который находится вне моей зоны комфорта.

После всего мною сказанного у вас неизбежно возникнет вопрос: а какого лешего он, собственно, занимается всем этим? Ну, просто у меня креативный ум, и мне нравится бросать себе вызов. Больше всего в жизни я люблю триалы. И так с самого детства. Поначалу, когда я рос, это было крутым времяпрепровождением. Позже, когда я уже влился в шотландскую велосипедистскую тусовку, это стало одержимостью. К тому моменту, когда я начал снимать свои собственные полноценные видео, привлекая к ним весьма талантливых режиссеров, это стало способом самовыражения; я начал становиться все более и более изобретательным, выделяя захватывающие моменты в таком стиле, к которому никто до меня не прибегал.

Эта работа вынесла меня за пределы мира горных велосипедов в область мейнстрима; я появлялся в документалках по телевизору, в голливудских фильмах и рекламе. Меня приглашали в корейский цирк. Ведущий американского ток-шоу даже хотел, чтобы я поехал в женском наряде по Чикаго. (Я, кстати, отказался тогда. Высокие каблуки – это не по мне.) Когда хиты на YouTube стали собирать десятки миллионов просмотров, мне начали приходить спонсорские предложения от серьезных компаний вроде Red Bull. Однако я всегда хотел лишь одного – тусить на своем велике. Так я чувствую себя лучше всего, так мне веселее, чем как-либо еще. Выучивать новые трюки, продвигать и совершенствовать триалы с помощью своих видео, в которых я справляюсь со сложными препятствиями, одновременно создавая интересное студийное пространство, – вот именно это про меня. Все остальное второстепенно.

Однако не все смотрят на это так, как смотрю на это я. Я выпустил уже несколько партов; и каждый раз кто-нибудь возмущается насчет моей езды. В комментариях на YouTube пишут, что я безрассуден. Что я шучу с жизнью. В 9 случаях из 10 эти комментаторы не садились за руль триального велосипеда вот уже лет как 19. Они просто неспособны запрыгнуть на бордюрный камень на заднем колесе или проехаться по узкой колее вроде забора или бревна. Как бы то ни было, меня не особо волнует, что люди говорят, хотя мне бы больше нравилось, если бы клипы в Интернете обсуждали с точки зрения того, чем они и являются: креативными проектами, призванными изобразить триалы в новом и интересном виде.

К счастью, то, что я делаю, получает достаточно большое количество положительной обратной связи, что действительно клево, ведь я хочу ездить жестко и записывать это на видео столько, сколько только возможно. Именно поэтому я не допускаю глупого риска. Я не безумец; я хочу продолжать свое дело, но здоровый страх получить травму не остановит меня от удовлетворения моих амбиций.

По крайней мере пока что этот страх меня не останавливает...

Сцена вторая

Дом Дэнни

Камера направлена на край озера Лох-Данвеган, что на острове Скай в Шотландии. Вдали виден дом, построенный прямо у воды. Приближаем обзор через окно спальни на первом этаже. Стикер с логотипом *Imaginate* (на котором также написано «Проникни в разум Дэнни») наклеен на стекло.

Детская спальня Дэнни

Флэшбек: восьмилетний Дэнни сидит на полу со скрещенными ногами. Вокруг него разные игрушки: пластиковые солдатики, игрушечный болид «Формулы-1», ярко раскрашенные резиновые шары и гоночная трасса в духе *Hot Wheels*. Он строит воображаемый триальный курс из своих игрушек. По радио играет *Runaway* группы *Houston*. Камера фокусируется на глазах Дэнни, маневрирующего пластиковым велосипедом с водителем, катающим его по курсу.

Наше время: переходим к сегодняшнему Дэнни, находящемуся в студии и готовящемуся к гонке по своей детской спальне, воссозданной и увеличенной в размерах...

Imaginate, 2013

II Дорога домой

Когда я был маленьким ребенком, меня невозможно было контролировать.

Я любил идти на риск и любил опасность, так что как только моя мама – ее зовут Анна – отпустила меня «на волю», когда мне было семь, я стал проводить все свое свободное время в лесу со своими друзьями, срубая деревья, разводя костры и сталкивая булыжники со скал. Я пробирался в такие места, где никто не заметил бы результаты моих разрушений. Спустя несколько часов я воровато возвращался домой – с опаленными волосами, несколькими царапинами и ссадинами или превозмогая боль от гвоздя, впившегося в мою ногу. Я знал, что мама будет в бешенстве, потому что это уже четвертая изорванная пара штанов за месяц. Некоторым такое поведение показалось бы диким, даже совсем одурелым. В Глазго или в Лондоне мои выходки привели бы к серьезным последствиям для меня. К счастью (по крайней мере для Королевской прокуратуры), я вырос в Данвегане, маленьком сонном городке на шотландском острове Скай, где я был полностью предоставлен собственной дикости.

Впрочем, тот хаос, который меня всюду окружал, на самом деле никогда не представлял собой что-то более опасное, чем простая детская шалость, так что родители редко били тревогу. Каждый раз, когда я влетал домой с рассеченной головой или с ожогами второй степени, мама латала меня с укоризненным взглядом. «Ну и дурачок же ты, Дэниел», – говорила она, возмущаясь очередной раной. Она редко сочувствовала. Временами мне давали что-то вкусное, чтобы отвлечь, когда приходилось везти меня за сорок миль в больницу, – иногда я все же перегибал палку бесстрашия.

Когда мне было примерно 8 лет, я нашел старый металлический плуг, приделанный к стене снаружи музея, которым управлял мой отец Питер (об этом мы поговорим более подробно чуть позже). Весил этот плуг, наверное, килограммов триста. На одном его конце имелась чудовищно острая ржавая ручка. В ней увидел отличную возможность вскарабкаться повыше, чтобы спрыгнуть оттуда вниз – поистине блестящая идея. Я начал прыгать, пытаясь ухватиться за ручку, и в итоге плуг опрокинулся на меня и полоснул ручкой мне по затылку. Это было *пронзительно*. Я чувствовал, как кровь стекает по моей шее.

Не то чтобы меня это сильно беспокоило. Я вернулся в дом, намереваясь самостоятельно подлатать себя, но мама догадалась, что я опять во что-то вляпался. Впрочем, даже подобия паники не последовало. Вместо этого она осмотрела рану и потянулась в шкаф за шоколадными дисками – вещь, которая неизменно эффективно укрощала мои порывы. Мы сошлись на том, что порез не был таким уж серьезным, как казалось, она меня забинтовала и сказала не делать так больше. А вообще – это удивительно, что плуг вообще мне голову не отрубил.

Не поймите меня неправильно: мама у меня очень строгая. Она не из тех, кто закрыл бы глаза на преступления своего ребенка, будь он, скажем, убийцей. Если я себя плохо вел, за этим непременно следовало наказание в той или иной форме; многие мои друзья даже боялись ее, особенно когда она меня отчитывала. И я боялся. Когда я хотел пойти в гости к другу или погулять в лесу, я спрашивал папу. Его легче было уговорить. Что касается моих травм, мама позже рассказала мне, что ей было проще привыкнуть, смириться с моими бесконечными злоключениями, чем придумать, как взять меня в ежовые рукавицы. Так что ее отношение вовсе не являлось частью какого-то гениального плана, имевшего целью закалить меня. А вот папа сильно беспокоился, когда я вваливался в дом, словно тасманский дьявол. Мне кажется, ему приходилось нелегко.

Разрушение – это моя тема, я очень угорал с этого. Я никогда не причинял никакого вреда чужой собственности; я не был вандалом или вредителем. Я всего лишь получал невыразимое удовольствие, видя, как ломается здоровая ветвь дерева или как в какой-нибудь глуши обваливается стена. Когда учителя спрашивали, кем бы я хотел быть, когда я вырасту, я отвечал: «Я хочу заниматься сносом построек». Я мечтал о том, что буду зарабатывать на жизнь, подрывая здания, и практика этого искусства, зачастую связанная с заброшенными жилыми домами, стала всепоглощающим хобби. Я проносил пилы отца в младшую школу Данвегана и срубал деревья во время перемены, а когда я нашел старое дедушкино мачете времен Второй мировой, оно стало неотъемлемым элементом моих проектов по постройке убежищ в близлежащем лесу.

Однажды я достал нож в школе. Мое саморазоблачение – не самая лучшая, как потом выяснилось, идея, – случилось во время исполнения «Панча и Джуди» актерами-любителями. Все застыли. Даже Панч отвлекся и перестал мутузить Джуди – все были в шоке. Мой учитель взглянул на меня, как бы говоря: «Какого черта?!», быстро конфисковал оружие и вернул его только после окончания занятий моим родителям, возможно, прочитав им заодно нотацию о том, как им следует воспитывать своего маньяка-с-мачете.

Я обожал свою жизнь в Данвегане. Скай – удаленная местность, один из самых северных из Внутренних Гебридских островов; Данвеган – маленькая рыбацкая деревенька с населением, едва ли насчитывающим 350 человек. Расположенная на берегу озера, она словно сошла с полотен об идиллической деревенской жизни. Летом туристов привлекал Данвеганский замок и холмы под названием Столы Маклауда. С дальнего конца дороги можно было даже разглядеть Черные холмы Куиллин, увенчанные Вершиной Недосягаемости, каменным выступом шириной всего лишь 150 метров в своей самой высокой точке. Ее грубый ландшафт позже станет локацией одного из моих самых популярных видео – The Ridge, – хотя первые мои приключения в том месте были вполне безобидными. Мы могли искупаться в «Бассейнах феи», но о том, чтобы взбираться на возвышенности, от одного созерцания которых кровь в жилах стынет, и мысли тогда не было.

В главной части города в то время находилось несколько пабов, полицейский участок, какие-то магазины и маленькая гостиница. И хотя в действительности все это можно было – и то с натяжкой – назвать пригородной улицей, Данвеган все же был северо-западным центром Ская, а его центр – местной Таймс-сквер или бульваром Сансет. Нередко народ проделывал путь в 12 миль, чтобы закупиться здесь в каком-нибудь магазинчике продуктами и газетами. Некоторые жители острова вообще считали население нашей деревеньки мажорами.

Данвеган ну очень походил на полосу испытаний. Развлечений, помимо магазинов, не было никаких – ни в лесу, ни на пляже, ни на утесах. Однако неугомонные дети вроде меня здесь просто торжествовали. У меня с детства выработалась одержимость прыжками с самых больших высот, которые можно было найти. В саду моего Дома на холме – Tigh na Bruich – имелась огромная игровая будка. Она представляла собой смесь из веревочных качелей, рам для лазанья и дома на дереве, построенного из деталей торпедных контейнеров, которые отец нашел бог знает где. Она тоже стала моей полосой испытаний: в возрасте 4 лет я забирался на ветки и скакал как угорелый.

Эта мания никогда не покидала меня. Когда мне было около 9 лет, я порвал сеть на футбольных воротах во время вечеринки по случаю своего дня рождения. Мы растянули ее между деревьями, как гамак, и вся детвора по очереди прыгала на веревочный навес. Это воздушное нырянье так захлестнуло меня, что я задумал расширение посадочной полосы. В школе я делал чертежи различных улучшений для сада и постоянно придумывал все более лихие приспособления для увеличения дистанций полета через сад во время прыжков.

К счастью, лома для строительства хватало. По выходным мы с друзьями отправлялись бродить от одного скалистого пляжа к другому в поисках выброшенных на берег рыбацких сетей и разбитого дерева. То, что для большинства было мусором, мы использовали для разжигания костра. Длина найденных нами канатов идеально подходила для сада, но дотащить их туда было целой проблемой. Огромная сеть порой весила тонну, и у нас уходили целые выходные на перенос ее подальше от берега, настолько далеко, насколько только хватало наших возможностей, куда-нибудь, где ее можно будет смело оставить. В следующие выходные мы возвращались и тащили ее еще дальше. Как только мы подходили достаточно близко к дороге, папа загружал ее в свой пикап и отвозил нас домой.

Уже дома я совершал набег на мамины кухонные ящики и утаскивал оттуда инструменты, которыми орудовал, лазая по сети. Часто я брал у нее разделочный нож, чтобы резать им веревки. Для проверки лезвия я делал небольшие надрезы на книжных полках и дверях дома. Как только я убеждался, что лезвие меня устраивает, я принимался рубить сети в саду и лазать по деревьям с ножом в зубах, чувствуя себя Джеком Воробьем. К тому времени, как начинало темнеть, нож уже валялся невесь где в саду.

Вскоре наступало время обеда, и мама начинала искать свои лучшие ножи. Если она не находила их на кухне, она, конечно, сразу понимала, кто в этом виноват. Ящик с шумом захлопывался. Она шла отчитывать меня.

«Дэниел, верни ножи немедленно, или я тебе такую трепку задам!»

С неохотой я забирался обратно на сеть – чаще всего в дождь и холод – и доставал ее лучшую кухонную утварь, воткнутую в древесную кору.

Я был поглощен хаосом. У меня всегда с собой были спички, и я часто разжигал костер, используя стащенные у отца канистры с топливом или еще что-нибудь огнеопасное. Я поливал жидкостью гору дерева и торфа и наблюдал за тем, как все это поглощает пламя. Взрывы я тоже любил. Иногда огонь около нашего дома достигал таких размеров, что небо Данвегана походило на небо горячей точки: черный дым из нашего заднего двора тянулся по озеру и заполнял деревню.

Мама с папой, вскоре осознав мою тягу к пиромании, прятали спички. Все горючие жидкости в доме были спрятаны. Но это не могло меня остановить. Я был достаточно находчив и быстро догадался пойти в местный магазин за спичками Swan Vesta и банками бензина «для газонокосилки, по поручению папы» – восьмилетний мальчишка ни у кого не вызывал подозрений.

Несколько раз я обжигался. Я обжигал ноги, руки, и лишь благодаря чуду я не получил серьезных ожогов. Но я был близок к этому. Я на собственном опыте усвоил, какой опасной комбинацией могут быть канистры с бензином и спички: пламя иногда догоняло меня, пока я удирал. У нас с друзьями также было большое пристрастие к плавлению металла. Однажды партия, которую мы готовили, опрокинулась, и капля расплавленной жижи с шипением приземлилась на мою руку. Я просто стоял и смотрел, как она вплавлялась в мою кожу. Полагаю, она так и осталась в моем организме, а позже к ней добавились металлическая пластина и болты, вогнанные в мою ключицу после одного неудачного падения в мои 20. В аэропортах меня не очень любят.

Когда мне было около восьми, моей страстью стало сбрасывать валуны с утесов; я обожал ходить в экспедиции на Столы Маклауда со своими одноклассниками. По пути наверх мы тащили за собой огромные ломы – двухметровые железные прутья, которые нам нужны были для того, чтобы сбивать тяжелые камни с вершин. Какой бы погода ни была, – даже если был шторм и мое лицо хлестали ледяные, жалящие полосы дождя, – я надевал свои желтые резиновые сапоги (безопасность прежде всего) и выдвигался с целью столкнуть самый большой булыжник, который только удастся найти, с утеса прямо в море. Некоторые камни были ну очень массивными – они были значительно больше меня, – и тогда я забирался на

них, чтобы правильно распределить силы, и загонял лом под камень. Из соображений безопасности я обвязывал себя веревкой, другой конец которой держали мои товарищи. Я надеялся, что такая импровизированная страховка удержит меня от падения с края. Как только подо мной начиналось малейшее движение, я тут же спрыгивал с камня – прочь от своей гибели.

Понятия не имею, откуда во мне взялась вся эта дичь. Моя мама работала клерком местной строительной фирмы, а папа управлял Музеем Великана МакАскилла, посвященным одному нашему знаменитому предку, Ангусу МакАскиллу. Легенда гласит, что его рост был равен 236 сантиметрам; в Книге рекордов Гиннесса он значится как «самый высокий великан не вследствие болезни». Своим телосложением он походил на кирпичную стену, и у него была самая большая грудь из всех людей, не страдающих ожирением, – ее обхват составлял впечатляющие 2 метра.

Как и следовало бы ожидать, Ангус стал местным героем острова Бернерей, где некоторое время жил в начале XIX века. Как только пошла молва о том, что он может без труда носить по 140-килограммовой бочке с мясом под каждой рукой, знаменитый на весь мир цирк Финеаса Тейлора Барнума тотчас примчался. Некоторое время спустя Ангус стал получать хорошие деньги, отправившись в турне по Америке, где он участвовал в различных поединках (в большинстве из которых он, судя по всему, одерживал победу) и всячески демонстрировал свою необыкновенную силу. Точно известно, что он был способен перенести взрослую лошадь через метровый забор. Под впечатлением от этих историй папа открыл в 1989 году музей, ставший достопримечательностью Ская. Туристы часто заглядывали туда. Все хотели послушать про жизнь Ангуса. В детстве я рассказывал ребятам в своей школе о том, что в моей семье жил монстр.

Чем больше я сейчас увлекаюсь созданием видео и придумыванием трюков вроде спрыгивания с утеса в море на велосипеде или перемахивания с одной крыши на другую, тем яснее я понимаю, что в основе всего этого лежит папин креативный дух. Создание музея, посвященного предку-великану, – довольно безумная идея, если задуматься; тем не менее он в ней видел свои перспективы и просто считал, что это интересное дело. Что касается самого бизнеса, то и здесь папин подход нельзя назвать традиционным. Видимо, и это я унаследовал от него, потому сейчас я и веду не совсем обычную жизнь.

Ростом Ангус превосходил всех своих потомков. Я родился 23 декабря 1985 года. От первого брака у отца было еще два сына, Юэн и Робин, и две дочери, Мэри и Мюриэл, но все мои сводные братья и сестры были намного старше, чем я, так что мы практически никогда не жили вместе. Они выросли на противоположном берегу, в местечке под названием Борререйг, которое, возможно, ничем не хуже нашего. Юэн тащился от мотоциклов и однажды повредил спину и ноги в жуткой аварии. Робин был хорош в кайтбординге; Мэри сломала руку, когда возилась с какой-то машиной в поле неподалеку с моими братьями. Полагаю, в детстве они были похожи на меня: дети МакАскиллов жили в глуши, и им приходилось самим изыскивать способы развлечь себя.

Не знаю, как мама мирилась с неудобствами, которые я доставлял. Из-за меня ей, наверное, снились кошмары. Однако по какому-то необъяснимому стечению обстоятельств в детстве меня ни разу не госпитализировали. Да, были порезы, всякие удары головой, но все же я долго был убежден в том, что я сделан из резины, потому что мои кости никогда не ломались. Моя первая по-настоящему запоминающаяся травма произошла в школьную пору: я несся по коридору и влетел с разбегу в башню из стульев. От удара раскололось несколько ребер. В большинстве случаев, впрочем, я даже после падения с высокой стены вставал и бежал дальше. Боль и увечья меня, по-видимому, не беспокоили.

Однажды, когда я играл в саду, я свалился с дерева. Высота была где-то около шести метров, я упал на спину, ударился головой – и вырубился начисто. Бог знает, сколько я про-

лежал без сознания на газоне; придя в себя, я пополз в сторону дома за помощью и опять отключился на крыльце. Как ни странно, восстановился я почти моментально. К врачу идти я совсем не хотел, и уже на следующий же день я лазил по деревьям и придумывал, как бы еще изловчиться, прыгая в сети. Вот так странно я готовился к своей будущей жизни, в которой я буду стараться не причинить себе серьезного вреда – ведя себя так, как будто ничего, кроме причинения себе серьезного вреда, меня не интересовало.

Сцена третья

Лох Данвеган

Дом на колесах, в котором едут Дэнни и его велосипед, мчится по А850 вдоль Северо-Шотландского нагорья в сторону Данвегана.

Кадр прерывается серией трюков в различных местных локациях: Дэнни делает гэпы по стенам между дамбами и мостами; ездит по перилам около местного полицейского участка; в данвеганском кемпинге он выполняет 360-градусный футджем тейлвип на крыше своего фургона. Передний банни хоп выполнен с резервуара с водой на фоне Данвегана и Столов Маклауда. В этой сцене Дэнни возвращается домой, чтобы довести до совершенства трюки, которым он научился в детстве.

Way Back Home, 2010

III

Дитя анархии

Мой первый велик был тем еще зверем – черно-красный детский «Роли», который папа нашел на помойке, когда мне было четыре. Папа постарался убрать всю ржавчину, прежде чем преподнести мне его в качестве подарка. Тот, кто его выкинул, не додумался снабдить его парой боковых задних колес, так что мои первые приключения начинались с того, что мама или папа подталкивали меня сзади. А затем, неизбежно, я врезался в стену или падал лицом вниз на асфальт.

Тем не менее я быстро освоился, падения меня не отпугнули. Я гонял, и я был в восторге от этого занятия. Вдоволь набегавшись в саду, я наконец обрел еще один способ отрываться – теперь на двух колесах. Уже на этом мелком «Роли» я пробовал выполнять трюки на траве; как только я научился добираться из точки А в точку Б, я перешел к спрыгиванию со ступеней крыльца, высота которых составляла где-то 30 сантиметров; я приноровился слезать с корней деревьев и круто сворачивать перед произрастающими в конце газона маками. Уже скоро я научился делать небольшие прыжки на дороге¹.

Велосипед пришелся весьма кстати, когда я начал ходить в данвеганскую началку. Мы жили в километре от школы, а так как дороги были далеко не такими загруженными, как в большом городе, с шести лет мне разрешили ездить самостоятельно. Кататься по этим дорогам было изумительно. По утрам обычно было спокойно, но как только наставало время возвращаться по домам, ребята выстраивались и гнали по улицам – вот это было великолепно. Полный беспредел. Однажды вечером парень постарше научил меня ездить без рук. После этого со школьного двора я выезжал исключительно с поднятыми в воздух руками.

Обратный путь до дома представлял собой сплошную полосу препятствий, и чем дольше я ездил, тем круче преграды находил. Я знал, какие кочки подбросят меня в воздух, если я врежусь в них на достаточной скорости; отдельные покрытые травой участки я переезжал так часто, что они превратились в небольшие трамплины, с которых я с удовольствием прыгал. Один из них находился около автозаправки. Скоро меня уже было не оторвать от «Роли», и, когда я подрос, я мог уезжать все дальше и навещать своих друзей, живших за несколько миль. Я также начал пробовать новые трюки. Езда без рук была лишь началом. Вскоре я научился ездить на заднем колесе. Первый раз был настолько потрясающим, что я стал подолгу пропадать на местной парковке, гоняя на заднем колесе, ориентируясь по полосам на асфальте, начерченным для автомобилистов. Вначале я мог проехать только один участок, затем два; преодоление трех стало прямо-таки вехой.

Первый трюк, которым я овладел в совершенстве, – виляние змейкой. Я крутил педали так быстро, как только мог, затем давил на тормоз, а потом вилял по земле как гадюка. Тротуар у моего дома был в запущенном состоянии, покрытый землей и гравием; я гонял по нему, заднее колесо моего «Роли» поблескивало. Ездил я жестко, так что к десяти годам – бог знает как, но я дожил до этих лет и даже остался цел – этот детский велик был разбит в хлам. За годы моих занятий мои велосипеды многое повидали. Наверное, я был самым частым посетителем Island Cycles, местного велосипедного магазина.

Со временем я обзавелся другим «Роли» модели Burner, это был олдскульный BMX, который достался мне от друга. Для меня он был маловат, но мне это нравилось. Раз он маленький, значит, на нем я смогу летать легче, чем на велосипеде для моего возраста; уже

¹ К сведению, я всегда был в шлеме. Я носил его с того самого момента, как стал рассекать на «Роли». К счастью, в триалах они никогда не выходили из моды; они даже спасли мне жизнь несколько раз, хотя я и сломал несколько во время трюков и лайнов.

скоро я забирался на местный контейнер для сбора бутылок. До меня никто в нашей деревне не спрыгивал с него. Даже старшие братья моих друзей не рисковали ездить по нему, потому что высота составляла 2 метра.

А я рискнул. Однажды вечером, когда мы слонялись вокруг да около с моим приятелем Кеннетом, я решил попробовать. Я знал, что могу осилить этот прыжок, хоть риск закручивания в воздухе или соскальзывания вниз и последующего болезненного падения был довольно высок. Я мог, кроме того, неверно рассчитать прыжок и приземлиться на раму. Но пока я забирался вверх и принимал Burner из рук Кеннета, я успокоил себя: я уже спрыгивал на метр вниз на Burner'е, почему же не могу спрыгнуть и на два?

Когда я доехал до края, ударил адреналин. Сверху этот дополнительный метр выглядел куда более опасно, а в вероятность гладкой посадки мне верилось все меньше. Я взглянул на Кеннета. На нем лица не было от беспокойства.

«Ты уверен, Дэнни?» – спросил он. Бедняга заранее готовился вызывать «Скорую».

Я кивнул, хотя и не был особо уверен. Это, должно быть, был первый раз, когда мне пришлось немного задавить свой страх, несмотря на то что я прыгал на еще большие дистанции без велосипеда: я спокойно мог спрыгнуть с дерева с высоты трех метров и рухнуть на землю – никаких проблем. Тем не менее контейнер для бутылок был чем-то совершенно иным – возможно, потому что полет с него стал бы историческим достижением в Данвегане.

Я думал: «Хмм, не знаю, что из этого выйдет...»

Я осторожно пополз вперед, поднимая заднее колесо, и, внезапно ощутив тягу гравитации, нырнул с края. Асфальт притянулся в смутном мареве, и в это самое мгновение моя правая нога соскользнула с педали, из-за чего я задрожал в воздухе. Каким-то образом я восстановил равновесие, и мои шины с хрустом ударились об асфальт. Я отъехал, а сердце мое готово было выпрыгнуть из груди. Я остался цел, а моя репутация на острове только что немного возросла.

Я быстро становился кошмаром на двух колесах. Когда мне было 11, мои тети Джин и Сара подарили мне на день рождения Kona Fire Mountain, довольно неплохой горный велосипед; это положило начало моему серьезному увлечению велосипедной ездой. Я двинулся на этом. Я читал тематические журналы и смотрел видео; я обсуждал новое снаряжение и лучших велосипедистов с друзьями, не забывая при этом, конечно же, угорать по деталям и трюкам. Я использовал свой Kona для всего: и для маршрутов по лесу, и для долгих поездок по холмам, и для трюков в деревне. Я выполнял все более высокие и качественные прыжки в саду, стараясь перепрыгнуть папину газонокосилку. Впереди у нее были большие лезвия, так что одно неверное движение могло привести к довольно опасной травме и неминуемой поездке в больницу. Я ни с кем не соперничал, в отличие от мотоциклистов Ивела Книвела и Робби Мэддисона. Я просто получал свою дозу адреналина, пробуя новые трюки.

Открытие триалов изменило все. Первое видео, которое я посмотрел, – Chainspotting, британское видео 1997 года про горных велосипедистов, в котором задействованы лучшие представители этого направления. Там были Мартин Эштон, и Мартин Хойес, и Уилл Лонгден. Все они выполняли трюки, перепрыгивая через швартовные тумбы и лавки. Один даже спрыгнул с трехметровой стены. Школьные приятели рассказывали мне про такие трюки, но они выполнялись на BMX; с горным велосипедом я такого не представлял. Это было довольно-таки вдохновляюще. Для меня этот стиль, впрочем, был не совсем нов, я и раньше пробовал себя в нем, воплощая в жизнь трюки, которые создавал у себя в голове. Теперь, когда я смотрел, как это делают другие, я был словно под гипнозом.

По моим представлениям, Chainspotting вывел триалы на новый уровень. Этот стиль, популяризованный Мартином Эштоном и велолегендой Хансом Реем, являлся своего рода спин-оффом соревновательного формата, сосредоточенным, в отличие от последнего, преимущественно на трюках. Все проходило прямо в городских стенах, велосипедист перепры-

гивал через автобусные остановки и перила на парковках и на больших улицах. Это было то, где я себя видел, и мне нравилась вся эта эстетика. Я обожал прыгать по сетям у себя дома. Мне нравилось лазить по деревьям. Еще я любил шастать по пляжу в поисках материала, который можно было бы использовать для расширения и улучшения моей домашней полосы препятствий, и в процессе я часто перескакивал с одного каменистого пляжа на другой, рассчитывая при этом длину каждого скачка. В триалах имел место примерно такой же мыслительный процесс. Он предполагал определение дистанций и траекторий. Это чем-то походило на решение головоломок. Только вместо того, чтобы прокладывать путь на пляже или рыскать среди камней, Мартин и Ханс перепрыгивали через цистерну с водой или делали 360-градусные прыжки с высоких стен.

Трюки, которые выполняли Мартин и Ханс, казались мне значительно более привлекательными, чем любой из трюков в скейтбординге. Данвеганский ландшафт был просто-напросто слишком влажным для такого. Но горный велосипед открывал мне больше возможностей, на нем я мог ездить по любой поверхности в городе в любых условиях. После просмотра Chainspotting мое воображение работало на пределе. Я начал рассекать по деревне в экстатическом состоянии, практикуя езду на заднем колесе и заносы и отскакивая от стен и цветников. (Я никогда не причинял вред цветам. Честное слово.)

Я достаточно быстро заработал репутацию местного злостного нарушителя общественного порядка, в чем, в общем-то, не было ничего особенного, учитывая, что Данвеган никогда не отличался разгулом преступности. Вероятно, в то время лишь меня там и можно было посчитать персонажем из какого-нибудь полицейского телесериала – да и то только потому, что именно я постоянно устраивал различные передряги прохожим, попадая к ним под ноги. Я жил в центре города, так что с того момента, как я выезжал из дома, я становился проблемой. Народ возмущался, ведь я носился туда-сюда не только летом, во время каникул, но также и зимой.

Остров Скай обделен таким богатством, как приятная погода. Большую часть времени идет дождь и холодно до дрожи, причем даже в июле. В январе, когда дул нещадный ветер, ездить по улицам было совсем невозможно, так что от безысходности я отправлялся на местный рынок Кинлох (или, как мы его прозвали, Оружейную лавку). Эти торговые ряды, расположенные на главной дороге к Данвеганскому замку, имели крышу, защищающую от дождя, по вечерам были освещены, и к тому же внутри было несколько удобных для практики ступенек и цветников – идеально! Оружейная лавка вскоре стала моим излюбленным местом для практики, и довольно быстро ее угловатые кирпичные стены были все исполосованы моими шинами. Это время сыграло корневую роль в становлении моего стиля. Я многим обязан тому месту.

Но моя любовь к Оружейной лавке не была взаимной. На меня поступали жалобы, я превратился в местного Уолтера Уайта, а наш коп, констебль Данкан Кармайкл, – в моего спецагента Хэнка Шрейдера. Он любил гоняться за мной, хотя моя езда была безобидной, – ну, по большей части. Да, я постоянно гонял на заднем колесе и иногда не использовал фары, но я ведь не делал ничего безумного. Я никогда не выпрыгивал перед едущими машинами и не спрыгивал с автобусной остановки, обращая несчастных пенсионеров в бегство. С другой стороны, я прекрасно понимал, что того, что я делал, было, в общем-то, достаточно, чтобы нажить себе проблемы, но я не прекращал, потому что делать мне больше все равно было нечего. Дома у меня не было игровой приставки или компьютера. Телевизор я не очень любил. Велосипед был моим основным увлечением, и я любил велосипед. Так что каждый вечер в 7 или 8 часов я прыгал с одной стены на другую на своем Kona Fire Mountain в Оружейной лавке при свистящем ветре, переплетающемся с дождем.

Констебль Кармайкл смотрел на это иначе. Он постоянно тащил меня домой и отчитывал моих родителей за то, что я становлюсь угрозой обществу. Это было ахинеей – конечно,

меня нельзя было назвать образцовым ребенком, но я и не слонялся по улицам до двух утра. Тем не менее вскоре мои родители начали выходить из себя.

«Мы заберем у тебя этот проклятый велосипед!» – кричала на меня мама.

Она понимала мою любовь к внедомашнему времяпрепровождению, но все же я становился непомерно надоедливой занозой. В учебе я был столь же плох; считалось, что я просто притягиваю к себе проблемы. Особенно такое мнение было распространено в старшей школе города Портри, находившейся в 45 минутах езды от Данвегана. Я не был ужасным ребенком; я не был задирой и, когда подрос, в драки совсем не лез, но примерно с 13 лет я сеял хаос всюду, где оказывался. У меня было значительно больше энергии, чем следовало, и достаточно товарищей, которые были более чем рады разделить со мной мое безумие.

Я был самым младшим среди одноклассников и в какой-то момент стал краш-тест манекеном для планов своих друзей – задумают они, например, прыжок какой-нибудь или пранк, и в качестве исполнителя непременно выберут меня. Изъяны плана выявлялись сразу же, стоило мне только рухнуть в какую-нибудь кучу и завывать от боли или оказаться в кабинете директора. Оценки я получал как придется. У меня все было неплохо с практическими предметами вроде труда, ИЗО или физики, но любой предмет, где нужно было что-то писать, например английский или история, вызывал у меня мучения. Позже мне поставили диагноз «дислексия», означавший, что чтение дается мне гораздо тяжелее, чем другим. Мое внимание быстро ускользало, и я часто ловил себя на том, что витаю в облаках во время уроков, рисуя в воображении новые трюки или продумывая какой-нибудь новый маршрут. Что мне до учебников? Я был весь сфокусирован на стене или лавке за окном.

В конце концов недостаток дисциплины привел к моему временному отстранению от занятий; последняя капля упала, когда меня поймали за броском конфетки в затылок водителя школьного автобуса. Однажды, когда он вез нас домой, все начали валять дурака, и я метнул шоколадный шарик прямо ему в голову. Бросок получился шикарным, но как только конфета с глухим звуком отскочила от его черепа, я понял, что мне конец. Он прямо-таки взревел, согнул спину, а его нога вдавила тормоз.

«Ну все, блин! Я вас полиции сдам!»

Я думал, что он шутил, мы все так думали. Автобус к тому моменту уже отъехал от школы на несколько миль. Но мы ошибались. Водитель развернулся и поехал к полицейскому участку Портри. Впрочем, и тогда никто всерьез не воспринял угрозу – до того момента, пока в автобус не вошел офицер и не потребовал объяснений. Мне стало дурно. Я был полностью уверен, что меня сдадут, однако все придерживались дворового кодекса; никто не проболтался, и в конце концов мы все добрались до дома. Тем не менее позже нам всем пригрозили групповым отчислением, так что в итоге я сознался, и меня отстранили от занятий. Атмосфера дома была не очень. От уроков я на время был освобожден, но оценки у меня были неважные, а полиция жаловалась на мои полуночные приключения. Короче, репутация моя стремительно ухудшалась. В довершение ко всему этому жестокая судьба распорядилась так, что констебль Кармайкл конфисковал мой Копа.

Это уже было слишком. Инцидент произошел, когда одним летним вечером мы с друзьями нашли брошенного плюшевого медвежонка около урны для мусора. На дороге в это время уже никого не было, так что я поставил игрушку посередине и попытался перепрыгнуть ее. Внезапно я услышал сирену. Мигалки тоже были включены. За считанные секунды развернулась прямо-таки сцена облавы на наркоторговцев. Констебль Кармайкл, мой друг легавый, с визгом шин выехал прямо на нас. Его машина была припаркована чуть поодаль, и, затаившись, он все это время наблюдал за нами.

«Погнали, бежим!» – закричал кто-то. Все разбрелись – кто-то спрятался в кусты; другие подались к находившейся неподалеку парковке; кто-то забежал за приемник для буты-

лок. Увидев Кармайкла, я тоже попытался дать деру, но он тотчас схватил меня и швырнул велосипед в стену. Он даже зачитал мне мои права.

«Дэниел МакАскилл, вы арестованы за опасную езду, – бесился он. – Все, что вы скажете, может быть использовано против вас...»

Полнейшее безумие. Помню, я подумал тогда: я просто катаюсь на велосипеде, я ничьи окна не бью, я ни на кого не наезжаю.

Меня притащили домой и проинформировали о том, что мой Кона конфискован полицией до конца лета. Хуже всего то, что меня собирались судить. Было страшновато. Когда зачитывались мои «преступления», в моей голове рисовались картины того, как меня сажают в детскую исправительную колонию, но, к счастью, до этого не дошло. Меня отпустили с предупреждением. У меня не было велосипеда, у меня были уйма энергии и целые каникулы, в течение которых нужно было хоть как-нибудь убить время. Весь остаток лета мне приходилось искать новые деструктивные и дикие способы: я скакал по сетям, разводил огромные костры и метал камни из своей катапульты в дом констебля Кармайкла.

Фрустрация переполняла меня.

Сцена четвертая

Кейптаун, ЮАР

Яркий, солнечный день. Дэнни едет по пустой городской улице. Один или два пешехода проходят мимо, не догадываясь о том, что произойдет дальше. Пару мгновений спустя мы видим, как он едет на заднем колесе по людной зоне. Далее он едет по тротуару, а затем прыжками поднимается на несколько ступенек и перебирается на пандус, скача по нему на заднем колесе. После Дэнни проезжает по стене и делает 360-градусный тейлвип, приземляясь на тротуар. Улицы Кейптауна стали триальной трассой.

Danny MacAskill Plays Capetown, 2011

IV

Кен и банда из Инвернесса

В Данвегане образовалась небольшая триальная банда. В нее входили я и еще пара человек – Джейми Стюарт и Алекс Козиковски. Иногда к нам после школы заглядывал мой двоюродный брат Донни Макфи, живший на южной стороне острова, в Бродфорде. Всегда, когда мы выезжали, мы подбивали друг друга на более лихие трюки. Тем временем школа Портри стала центром сосредоточения ребят, сходявших с ума по велосипедам, потому что больше им попросту негде было встречаться. Ближайший велосипедный магазин был в двадцати милях отсюда. Часто мы тусовались после уроков и болтали о трюках и новых велах, о том, что мы вычитали в журналах.

Хорошая новость: после летних каникул мой Кона вернулся ко мне от констебля Кармайкла, и уже скоро я оттачивал искусство 180- и 360-градусных поворотов у Оружейной, вихляя под уличными фонарями. Я быстро покориł все скамейки и стены города, и больше уже ничего такого, что могло бы усовершенствовать мою технику, не осталось. Ограниченность пространства для катания в Данвегане также означала, что туда особо никто не приезжал, так что более опытного ездока, который мог бы поделиться со мной опытом или оказать на меня влияние, не было. Мое становление проходило без правил и ограничений. Единственным пределом было мое собственное воображение – а оно, в свою очередь, было до краев заполнено планами.

Я работал над уличными трюками, являвшимися мечтой любого биэмиксера; навыки, которые я пускал в дело, обычно требуются в соревновательных триалах, – я же использовал их на тихих улицах. Я обожал испытывать себя. Когда я проделал 20 задних прыжков за день, я подумал: получилось! Когда я услышал, что Донни выдал аж 24 таких прыжка в Бродфорде, это еще больше раззадорило меня – я должен был обойти его! Это было непривычное чувство. Не похоже, чтобы у меня тогда был соревновательный дух. Мне не нравились командные виды спорта вроде футбола или шинти, мне не нравился агрессивный стиль игры в хоккей в моей школе; я больше тяготел к индивидуальным занятиям вроде бадминтона. Кона я использовал для самовыражения. Он был моим всем.

Донни, Джейми, Алекс и я прямо-таки повернулись на велосипедах. Я был погружен в велосипедную культуру, и голова моя была занята только тем, как улучшить мой Кона с помощью каких-нибудь новых деталей. Наверное, вполне закономерно, что я вскоре начал задумываться о поприще веломеханика и спустя месяцы или, может, годы листания журналов я подумал: ну, раз уж я так люблю топовое железо, то было бы неплохо собирать велосипеды для других. Превращение своей страсти в источник дохода казалось оптимальным вариантом развития событий, и это стало моим главным устремлением в школе и вне ее. Я говорил учителям, что хочу сосредоточиться на чем-то объективно полезном. Дома я только и делал, что возился со своим великом, и, как только выходил новый журнал, я принимался с жадностью рассматривать новенькие снасти, аксессуары и все в этом духе.

Свое железо я тоже прокачал. После того как я перелетел через руль Кона, я попросил купить мне Pashley – велосипед, сейчас уже считающийся легендарным, поскольку на нем ездили такие известные триальщики, как Tongue brothers, Мэтт и Эдди. Любой, кто разбирался в велосипедах, знал, что Pashley разработан с акцентом на маневренность. Он также был спроектирован так, чтобы ему не были страшны тяжелейшие погодные и иные условия. Pashley был идеален для ездока с моими амбициями и моим воображением. Триальный велосипед модели 26mhz выпускался в цвете бэби блю и состоял из тончайших труб Reynolds 853. К слову говоря, мотоциклист Гай Мартин, поставивший рекорд по скорости на земле

на горном велосипеде в 2015 году, использовал стальную раму Reynolds 853. Впечатляющая деталь, ничего не скажешь.

С появлением серьезного велика моя одержимость триалами только возросла, хотя и нелегко было поспевать за прогрессом в этой области. Когда мне было 15, шел 2000 год, и Интернет на Скае был убийственно медленным. Широкополосного соединения не было. Таких сайтов, как YouTube и Google, можно считать, и не существовало. Основным источником информации о том, что происходит с Мартином Эштоном, Хансом Реем, Мартином Хойесом, Стивом Питом и им подобными, были ксерокопии журнала Mountain Biking UK. Пока я перелистывал страницы и читал одно интервью за другим, казалось, что мои герои вот-вот выберутся из двухмерных оков журнала и ворвутся с каким-нибудь головокружительным трюком в реальность. Каждый рассказ, каждая их авантюра выглядели безумно, а их настрой и эксперименты стали источником вдохновения для меня, потому что эти люди разрабатывали уличный стиль, в котором я видел и себя.

Немало новых трюков я позаимствовал из кассет Mountain Biking UK, которые мне дарили. Одна из них, носившая название Dirty Tricks and Cunning Stunts и демонстрировавшая трюки в исполнении Мартина Эштона, Мартина Хойеса и Ханса Рэя, стала для меня личным пособием по выработке стиля и инструкцией по выполнению трюков. Эта пленка быстро затерлась. С фильмом была связана забавная история – его преподносили следующим образом: «Прикольно. Поучительно. Комично». Во вступительном клипе Мартин и Мартин в париках улепетывают от кого-то на высокой скорости. Действие происходит в Лондоне. Еще там есть какие-то ниндзя. То, как они без видимой трудности прыгали там и сям, вдохновляло нас с Донни, Джейми и Алексом. Мы начали пробовать прыжки назад и вперед и перелеты.

Были и другие влиятельные райдеры. Чем старше я становился, тем дальше разрасталась моя коллекция видеозаписей. Американцы Райан Лич и Джефф Леноски создали фильм под названием Revolution, и пересматривал я его, в общем-то, каждый день. После просмотра их работы мои взгляды поменялись, потому что в Revolution было чуть больше уличных триалов. Райан и Джефф рассекали по Сан-Франциско и Нью-Йорку, замахивали на перила и выделывали г-терны и мэнюалы. Скорость моей езды возросла. Дома у Донни мы, ожидая, пока засохнет битум на наших тормозах (битум был единственным способом подготовить тормоза к триалам – поверхность обода от него становится более клейкой), пересматривали Revolution снова и снова, а также другие фильмы Джеффа и Райана – Evolution, Contact.

Вскоре я получил возможность поучаствовать в настоящем триальном соревновании, как мои кумиры. Оно проходило в Бродфорде, прямо рядом с домом Донни. Я был как на иголках. Организовал это все Грэм Финни – житель Ская и важная фигура в гражданской сцене местных мотоциклетных триалов. Триальный клуб Ская гонял по холмам уже приличное количество времени, и Грэму было не в новинку выстраивать маршруты по камням и через реки – даже в условиях проливного дождя. В этот раз Грэм планировал версию с горными велосипедами в менее сырой обстановке и, определенно, был полон энтузиазма. Он тратил много времени, всячески пытаясь сообщить новобранцам тот же соревновательный дух, который имели старожилы.

Мотоциклетные триалы прекрасно прижились на Скае, каждый год проходило много соревнований, так что логично было предположить, что их веловерсия также получит свое распространение – особенно если учесть связь между обоими видами спорта. Триалы на горных велосипедах начались с того, что отец испанского мотоциклиста Ата Пая захотел, чтобы его сын овладел этим стилем на велосипеде, прежде чем сесть на мотоцикл. Так появилась культурная, так сказать, связь между этими двумя формами. Курс, который Грэм составил для нас, тоже не сильно отличался от мотоциклетного. Он уговорил владельца заброшен-

ной заправки предоставить нам территорию. Место было заставлено машинами; какие-то из них, кажется, ржавели там с 30-х годов. Вокруг приемника для бутылок были расставлены деревянные поддоны. Сет, пожалуй, получился скромным, но все же он казался довольно-таки заковыристым, и все, кто выстраивался со своими велосипедами, пребывали в сильно оживленном состоянии.

Мое внимание – помимо того что Грэм постоянно улыбался, – приковывал его акцент. Он быстро говорил и был единственным из всех, кого я знал, использовавшим слово «кэн». Он говорил: «Ты кэнишь Донни?» (Ты знаешь Донни?) Или: «Эк прорвало, кэн?» (А дождь-то сильный, а?) Я долго пытался понять, с чем это связано. Может, в клубе был какой-нибудь Кэн...

Так или иначе, Грэм разбирался в том, что делал, несмотря на свою странную речь. Когда соревнования только начинались, собиралось мало людей – поначалу приходили лишь три-четыре человека, – но все равно было очень весело. Я был хорош; соревнования, в которые меня включали, я выигрывал. Я даже два предварительных матча прошел без сучка и задоринки, хотя триальные соревнования не были привычным для меня стилем езды. Грэм был доволен. В следующем году он анонсировал еще одно событие, и на этот раз участие должны были принять не только велосипедисты нашего острова. Неожиданно мы узнали, что на него записались несколько человек постарше из Инвернесса. Это уже было серьезно. Райдеры с основного острова являлись для нас апокрифическими фигурами, среди нас ходили слухи – *легенды* – о райдерах из Инвернесса. По словам народа из школы, они были способны без труда отмочить 360-градусный прыжок, а их прыжки с трехметровой высоты были совершенны. Когда бы мы с мамой ни приезжали в Инвернесс, я каждый раз видел райдера, едущего по улице на заднем колесе. Прежде чем я успевал разглядеть, что у него за велосипед, он уже скрывался за углом. Такие моменты, без сомнения, только поднимали престиж этой группы.

Неожиданно я почувствовал угрозу. Триалы все еще были для меня в новинку, равно как и соревнования вообще, а теперь в них еще и участвовали взрослые. Помню, как, записавшись, пошел к Донни в гости на чай. Он почувствовал, что я как-то напряжен.

«В чем дело?» – спросил он.

«Не могу поверить, что нам нужно будет выступать против них, Донни, – признался я в ужасе. – Мы ведь всегда вращались в своем маленьком кругу на Скае. Я никогда не встречал райдера, кроме тех, что из школы Портри, и уж тем более не выступал против него...»

Моя боязнь была оправданной. Парни из Инвернесса прибыли вооруженными до зубов. У них был Monty, был Megamo, был один или два Pashley и даже редчайший Brisa – было ясно, что они настроены серьезно. Тем временем круговую трассу Бродфорда обновили. Поддоны вернулись, но к ним добавилось несколько настораживающих гранитных блоков, составленных с помощью экскаватора, который Грэм где-то позаимствовал.

Он также разложил множество здоровых кабельных катушек (которые местные коммунальные службы используют для закрутки кабелей), старые парковые лавки – словом, все, что могло как-нибудь усложнить трассу.

Обещание серьезного соревнования собрало неплохую толпу, хотя большинство пришедших были родителями участников. Тем не менее дополнительное давление не повлияло на меня, и я выиграл все три триала, хотя был там самым молодым. Поскольку пресловутый соревновательный дух у меня отсутствовал, результаты для меня никакой роли не играли. У меня не появилось стимула начать воспринимать соревнования сколько-нибудь более серьезно, потому что я опять пришел первым, но все же я чувствовал всю важность мероприятия. Та сфера, в которой мы вращались, пока гоняли по Данвегану или Бродфорду, рассыпалась. Северошотландские райдеры впервые объединились. В тот день я обрел много друзей, что было довольно важно, если учесть, что еще не существовало никаких соцсетей

вроде Facebook или Twitter, которые могли бы сблизить нас. Даже MySpace еще ничего не значил. Встречаясь с райдерами из-за пределов Скае просто лицом к лицу, *олдскульно*, я чувствовал, как я вливаюсь в большой мир.

Внезапно Данвеган начал казаться еще более мелким. Встретившись с инвернессцами, бывшими в числе ребят Грэма, я узнал о том, что где-то существует целый мир райдеров, и я хотел быть его частью. На Скае не было условий, чтобы развернуться, а мне уже нужно было озаботиться, чем заняться после окончания школы. Правда, у папы были всякие безумные планы сдать меня в армию, но меня к этому вообще не клонило. В 2002 году мне исполнилось 17, я окончил старшую школу Портри и был намерен последовать за своей мечтой и стать велосипедным механиком. Я позвонил в Bothy Bikes, велосипедный магазин в Эвиморе – оживленном курортном городе в национальном парке Кэрнгормс. Это был мой первый опыт поиска работы.

Моя тетя Джин жила в Эвиморе и управляла мини-гостиницей под названием «Хостел Глен Феши», в которой останавливались посетители парка и в которой никогда не было свободных мест. Покрытый снегом горный хребет Кэрнгормс тянулся вдаль, парк, ставший популярным как для горных велосипедистов, так и для простых отдыхающих, пересекало множество красивых троп. Часто, с тех пор, как мне исполнилось восемь, мы с семьей проводили в Эвиморе праздники и каникулы. Мне здесь очень нравилось. Я мог гонять по всем этим тропам и каждый раз непременно заглядывал в Bothy Bikes, чтобы поглазеть на витрины.

Примостившийся на большой улице среди кучи магазинов, в которых продавались принадлежности для хайкинга, Bothy Bikes стал для меня и таких, как я, чем-то вроде манной небесной. Когда бы я ни заходил туда, я чувствовал себя так, словно возвращаюсь домой. На полу были разбросаны легендарные детали, которые я знал из выпусков Mountain Biking UK; я тащился от царившего там запаха велосипедных труб, шин и масла для цепей. Вилки были выставлены на главной витрине, на полу повсюду лежали колеса, с потолка свисали велосипеды. В возрасте 12 или 13 лет я стоял в безмолвном оцепенении и смотрел на велосипеды с полной подвеской, на последние Pashley. Там я впервые увидел Kona Stab Deluxe Downhill и Santa Cruz Super 8. Все продававшиеся там велы были очень дорогими. Цена некоторых превышала тысячу фунтов. Они были мне не по карману, но мне было все равно. Выбирая идеальное место для начала работы веломехаником, я не мог бы найти ничего круче Bothy Bikes.

Когда я спросил про работу, владелец магазина Дэвид Киган ответил, что в новом механике магазин не нуждается. Это был удар ниже пояса. Мама, радуясь тому, что я все же попытался хоть куда-то себя направить, нашла мне курс City & Guilds по велосипедной механике в городе Сполдинг графства Линкольншир. Это означало, что мне придется на некоторое время уехать из дома, но я был счастлив; на занятиях я изучал множество старых техник, например, нам там объясняли, как обслуживать механизмы переключения скоростей производства фирмы Sturmey-Archer и других механизмов. Я даже выучил техники, требовавшиеся для того, чтобы собрать свой собственный велосипед, и, когда в Bothy Bikes появилась вакансия, я сразу же занял ее, получив таким образом работу мечты.

Я был вне себя от счастья. Сама по себе возможность работы в Bothy уже очень много значила, но и помимо нее в Эвиморе было чем заняться. Это место – рай для райдера-триальщика. Наряду с дорожками, пересекающими местность во многих местах, был еще и парк, в котором было полно здоровых валунов и камней с местных гор. Это место, прозванное Каменистой Парковкой, представляло большой интерес для любого райдера: здесь было много швартовных тумб, о которые можно было делать касание шиной, лавки, с которых можно было перескакивать на покривившиеся дорожные знаки и обратно, перила, по которым можно было проехать. После работы я мог прыгать с кочки на кочку под светом про-

жекторов. На одном этом маленьком клочке земли было в четыре раза больше препятствий, чем во всем Данвегане. Я очень далеко продвинулся в своей езде.

Сцена пятая

Детская спальня Дэнни, Данвеган

Дэнни и его велосипед сжаты до размеров детской игрушки. Камера приближается так, чтобы можно было разглядеть шлем, перчатки и педали. Дэнни смотрит в камеру, кивает, улыбается и едет по площадке, состоящей из карандашей огромных размеров, игровых карт и кубиков с буквами. Они расставлены так, чтобы получалось слово «ДЭННИ».

Это триальный курс в голове Дэнни; он использует препятствия, которые воображал в детстве: гигантские настольные игры, пластиковые танки и болиды «Формулы-1». Он даже гоняет по гигантской копии ежегодника комиксов Dandy и нарезает круги по гоночной трассе в стиле Hot Wheels...

Imaginate, 2013

V

Глаз райдера

Мне нравится ездить одному. Я всегда ездил один и, возможно, и дальше буду. Принцип у меня такой. Мои друзья жили за несколько миль от Данвегана, и я учился развлекать себя сам, так что меня нетрудно было заинтересовать скаканьем по цветниковым ограждениям у Оружейной лавки. И сейчас то же самое: я обычно катаю один, особенно после дня работы над шоу, планирования видео и встреч. Несколько часов я нарезаю круги вокруг своей квартиры в центре Глазго; в Данвегане я езжу по знакомым маршрутам. Все так же, как и в любом спорте: есть хорошие дни, есть плохие. В плохие я часто врезаюсь – моя голова не так работает, и езда кажется какой-то неправильной. Но когда я в своей тарелке, я чувствую себя по-настоящему мощно, словно могу оторвать руль от рамы во время каждого трюка. Если мне нужно запрыгнуть на метровую стену, я знаю, что могу сделать это. Мое тело и мой байк помогут мне.

Пока вы не начали переживать о моей социализированности: у меня полно друзей, правда. Я живу в большой квартире с семьей друзьями. Многие из них так или иначе связаны с ездой и сыграли огромную роль в том, чего я достиг на данный момент. Возьмем, к примеру, Джона Бэйли: они с Джорджем Экклстоном управляют компанией под названием Vision Ramps и поставили многие мои сцены в Cascadia и Imagineate. Двое других, Али С. и Данкан Шоу, – триальные райдеры мирового уровня; Данкан в данный момент заправляет шоу, в котором я участвую, под названием Drop and Roll. Как вы уже, должно быть, поняли, наше жилище похоже на веломастерскую: оно завалено колесами и деталями. Но когда кто-нибудь из нас идет катать, он всегда делает это в одиночестве.

Никто не против; просто так заведено. Часто мы проезжаем мимо друг друга в темноте на улице в наушниках. Думаю, 99 % всех моих поездок проходили в одиночестве, и причину своей любви к самостоятельным выездам я усматриваю в том, что так я могу ехать как хочу, где хочу и уделять определенному маршруту именно столько времени, сколько пожелаю, не испытывая при этом необходимости думать о ком-то другом. Мне не нужно тренироваться в местах, которые мне не по душе, и, если мне наскучит какая-нибудь местность или какое-нибудь препятствие, я могу просто поехать дальше.

Когда я езжу, я всегда настраиваю свой мозг так, чтобы он меня направил в какое-нибудь новое место. Мое воображение настолько сильно, что, даже находясь дома и только *думая* о том, как я еду, я придумываю новые трюки и представляю новые места, в которых можно погонять. Я не смотрю на уличные объекты как обычный человек. Я не отношусь к повседневным вещам так, как к ним относятся нормальные люди. Я вижу все через то, что называю «Глазом райдера», – эдакий фильтр, преобразовывающий в моем сознании все вокруг в препятствие, которое я могу перепрыгнуть, край, на который я могу заскочить; *испытание*. Мое бессознательное обрабатывает все пространство вокруг меня: тот выступ балкона, те перила на парковке...

Не обязательно даже, чтобы это была настоящая поверхность. Когда я в детстве сидел за обеденным столом, я использовал вилку в качестве воображаемого велосипеда. Я представлял, каково это будет, если я поеду по изгибам гигантской ложки или сделаю гэп с солонки на перчницу, а оттуда на свою тарелку.

Позже эта идея была обыграна в видео Imagineate 2013 года. Первое семя было брошено, когда я решил разработать большую концепцию – любую вообще. Я собирался любой ценой выкинуть что-нибудь этакое в Транспортном музее Глазго, который пустовал приличное количество времени. Когда мы впервые приехали туда, я увидел железнодорожную стан-

цию, выполненную в натуральную величину, которая осталась от старой выставки, и в этот момент мои идеи начали оформляться. Появилась тематика! Я проникся идеей возвращения к этим детским воспоминаниям и превращения моей данвеганской спальни – яркой, хаотичной площадки, под завязку заполненной игрушками, – в гигантскую трассу с препятствиями; вскоре я уже готовил планы по извлечению всего, что только можно, из рельсов станции и из обнаруженной копии пригородной платформы. Позже мы притащили огромные строительные блоки и двухметровых пластиковых солдат (братков, одетых в военную форму и покрытых ярко-зеленой краской), чтобы добавить их к сцене. Мы даже арендовали списанный военный танк и одолжили у Red Bull болид «Формулы-1». Предметы были настоящие, но идея исходила от моего «Глаза райдера».

Езда – это только половина того, что я делаю. Креативность – вот другая сторона моей жизни; я редко перестаю видеть сны наяву. Мне почти что приходится силой заставлять себя прекращать думать о байке, когда я иду спать. Иначе мне трудно уснуть. То же самое, в общем-то, происходит, когда я бодрствую. В каком бы новом месте я ни оказался, первое, о чем я думаю, – где тут можно поделаться трюки? «Глаз райдера» начинает работать, оценивая размер, пространство и дистанцию, требуемую для перескакивания с одного объекта на другой. Сразу же я начинаю думать, есть ли какое-нибудь препятствие или фигура, которую можно использовать в новом видео. Я могу так уплывать на очень долгое время и теряться в своей же голове. Я могу ходить по торговому центру и залипнуть в каком-нибудь магазине одежды, смотря далеко за пределы магазинных витрин и манекенов, сосредотачиваясь вместо них на эскалаторах.

«Хмм, – думаю я. – Я могу отлететь от этого мусорного бака снаружи и перепрыгнуть на эскалатор...»

Визуализации получаются настолько живыми, что я даже могу ощутить приземление после прыжка, услышать хруст шин, почувствовать работу тормозов. Это происходит подсознательно и постоянно, даже когда я нахожусь в машине. Я могу выпасть из жизни на 20 минут из-за этих моих странствий по просторам разума, что представляет серьезную проблему, если я, например, в этот момент буду гнать по автомагистрали.

Думаю, эти яркие образы всегда являлись мне естественным путем. В школе я уделял преимущественное внимание практическим предметам вроде труда, физики, ИЗО и физры. Любой предмет, где нужно было что-то писать, мне не давался из-за дислексии. Мама с папой осознали, что со мной что-то не так, когда я был маленьким, – не потому, что я сбрасывался с деревьев или катился кубарем с холмов, а потому, что я совершенно не мог сосредоточиться в классе. Я был жутко рассеянным. Домашняя работа тоже требовала способности подолгу читать и писать, но я был в этом не так хорош, как другие, и часто валял дурака. Наверное, в детстве это можно было считать проблемой, особенно с точки зрения оценок и экзаменов.

Нехватка внимательности не была непосредственным толчком к началу занятия триальной ездой – думаю, мои школьные годы не сильно отличались от школьных лет других райдеров, – но некоторые специалисты усматривали связь между моей дислексией и моими креативными идеями. Когда я посетил Ежегодный научный фестиваль Эдинбурга, у меня взяли интервью на сцене для шоу под названием «Туннельное зрение». Наша беседа с профессором Изном Робертсоном, психологом-основателем института неврологии Тринити-колледжа в Дублине, плавно перетекла к вопросам о том, что происходит в моем мозгу, когда я в одиночестве еду по Глазго на велосипеде или когда у меня возникают идеи для видео.

«Вам трудно сосредоточиться на книге, – сказал он. – Вы не очень хорошо читаете, но что меня поражает, когда я смотрю Imagine, – это то, как сильно ваше визуальное воображение...»

Я рассказал ему про то, что в школе я никогда не был хорош в чтении и письме и что часто отвлекался в классе. Затем я сказал, что в искусстве я тоже не был особенно хорош (в смысле рисования), но физическая и основанная на изображениях деятельность давалась мне легче.

Профессор Робертсон спросил, рисовал ли я когда-нибудь эскизы во время планирования видео. Я сказал, что рисовал, но это были далеко не шедевры. Когда у меня появляются новые идеи, я рисую палочных человечков на двух колесах. Грубые наброски, «...рисунки любого действия, которое я собираюсь совершить, или препятствия, которое я собираюсь преодолеть, – сказал я. – Я веду большой список. У меня дома целые книги всевозможных трюков, и, если появляется новый проект, я обращаюсь к ним, чтобы что-то вспомнить. Велосипед содержит в себе так много возможностей, они просто бесконечны, так что очень важно некоторые вещи держать на границах сознания...»

Мои блокноты – не единственная вещь, разрывающаяся от обилия идей. Мой телефон забит страницами сессий мозгового штурма. Иногда у меня появляется по несколько идей в день, таких как:

- Русский последний рубеж;
- Превращение в Невидимого человека (под песню The Queen)???
- Холодильник (шуточное видео в качестве дополнения к The Ridge?);
- Багси Мэлоун: я гоняю вокруг в сцене, похожей на сцену «Мы могли бы быть кем угодно» из этого детского мюзикла;
- Straight Outta Scotland / Compton edit – пьеса по фильму про группу NWA.

Профессор Робертсон предположил, что дислексия могла в какой-то степени являться причиной моей креативности. Согласно его теории есть два способа использования человеческого мозга. Первый связан с аналитическим, логическим и вербальным мышлением – тем, чему учат в школах на уроках английского и истории. Другой способ – это преимущественно мышление, основанное на изображениях, используемое в творчестве и при решении задач на практике – то есть на таких предметах, как ИЗО и труд, где для успешных учебных показателей ключевыми становятся не слова, а изображения.

«Дело в том, что эти две половины противоборствуют друг с другом, – сказал он. – Они подавляют друг друга. Дети возраста трех-четырёх лет мыслят в основном картинками, но многие из этих детей позже теряют такую способность, так как вербально-аналитическая система, господствующая в школе, устроена столь жестко, что она подавляет другую половину. Дэнни, я уверен, что не обладай вы хоть мало-мальски слабыми вербальными навыками, вы бы просто-напросто не имели столь богатый визуальный мир, определяющий вас как креативного продюсера, а не только как велосипедиста-каскадера. Как по-вашему, это логично?»

Я кивнул, хоть и не был уверен. Это, конечно, потрясающая теория, но я все же не думаю, что я так уж сильно отличаюсь от любого другого райдера. У меня мощное воображение, и мне посчастливилось преобразовать его во множество безумных видео и интересных трюков. Благодаря моему «Глазу райдера» я всегда при деле. Пока что это работает.

Сцена шестая

Парковка супермаркета, Эвимор

Зернистый черно-белый снимок юного Дэнни. Ему 18, он художник; горный байк, на котором он подъезжает к урне и запрыгивает на нее

на заднем колесе, выглядит слишком большим для него. Он немного выравнивает свою стойку, а затем запрыгивает сначала на одну каменную стену, потом на другую, закругленную. После этого он делает гэп между камнями и отскакивает от дерева. Таков наш первый взгляд на Дэнни, триального райдера с YouTube.

TartyBikes, 2006

VI

Как случайное видео стало вирусным

Байки часто менялись в течение моей жизни, но все же за свой вел я всегда держался, каким бы убитым он ни был. Пожалуй, мою триальную жизнь можно представить в виде большой и красивой коллекции; даже мои изношенные Pashley, даже мой предэвиморский период можно считать своеобразными главами этой истории. К великому сожалению, мой Кона из Данвегана был уничтожен к тому времени, как мне исполнилось 13 (все, что у меня осталось от него, – это обломок руля), но все остальные велосипеды уцелели. Отдельные их части лежат в моей квартире в Глазго; остальные хранятся в доме моих родителей на Скае.

В свои ранние подростковые годы я был одержим желанием обзавестись великом модели Расе, таким же, на котором ездил шестикратный победитель Национального триального чемпионата Великобритании Крис Акригг. У этого байка был крутой дизайн с бокс-секцией из фрезерованных алюминиевых трубок. В школе я рисовал наброски этой модели в своем блокноте, вместо того чтобы следить за происходящим на физике. Купленный мной наконец в Bothy Vikes долгожданный Расе стал самым дорогостоящим из всех моих приобретений того времени, но, впрочем, это не удержало меня от довольно жесткой езды. Позже вел просто разломился надвое, как у меня это обычно и бывает. Сейчас он висит на стене у меня дома в Данвегане.

Расе был редкой зверюгой – его непросто было достать. Велосипед, который в то время использовал Крис, был темно-серого цвета. Он обалденно выглядел, но покупателям приходилось ждать его по 8 месяцев, потому что модель с таким дизайном выпускалась ограниченной серией. Я все же решил пропустить лучшую пору в году, ожидая свой вел и уповая на доброту своих друзей, которые не откажут поддержать меня велосипедом. Я одалживал велы у ребят со Ская и порядочно их ушатывал, так что к тому времени, как ко мне пришел мой Расе, я был по уши в долгах.

По мере того как моя езда улучшалась, байки начали терпеть особенно жестокие побои, но я особо не грузился по этому поводу. Я всегда к ним относился как к инструментам, которые я использую в своей работе, и никакая жалость, и никакое сострадание не могли помешать моему прогрессу. Так что я вовсе уничтожал вилки и колеса, особенно когда тренировал новые трюки вроде тейлвипа, предполагавшего прыжок и удар по раме, чтобы та раскрутилась. Пока рама делает 360-градусный поворот, я должен подпрыгнуть, а затем снова поставить ноги на педали. Это заковыристый маневр, и после каждой четвертой-пятой попытки мне приходилось выпрямлять заднее колесо, потому что оно как бы складывалось во время приземления. Мои перескоки также становились более дерзкими и более рискованными. Я постоянно пытался прыгнуть на большую дистанцию на Каменистой Парковке и часто падал.

По ночам я гонял по несколько часов. Многие из тех, кто тусовался в этих местах, были увлечены хайкинг, лыжной ездой и горными велосипедами, так что недопонимания возникали крайне редко. Да и местный люд был приятный. Они просто смотрели, как я гоняю в центре города, прыгаю по камням в темноте под проливным дождем с друзьями или сам по себе во льду и снегу. Никто не был против, в отличие от данвеганцев. Для них я был украшением Эвимора.

Я проникался все большим интересом к большой сцене. Крис Акригг оказывал на меня заметное влияние, и я упивался его статьями в Mountain Biking UK. Я обожал читать про него, потому что его стиль был до жути свежим; он был агрессивен. Крис гонял на своем Расе как на мотоцикле – особенно во время соревнований. Во время объезда препятствия

большинство райдеров из соображений безопасности прыгает на своих байках между препятствиями. Но не Крис. Он двигался быстро, при этом плавно, прорываясь через маршрут без остановок. Если Крис постоянно двигался и перескакивал с одного места или объекта на другой, то Мартин Эштон запросто перепрыгивал через целые секции на своем заднем колесе. В своих видео он демонстрировал более отточенную технику – чего стоят одни его 180-градусные перескоки и 360-градусные сбросы. В Эвиморе я часто пытался подражать стилю Криса или Мартина. Когда доходило до моих собственных трюков, я говорил: «Ну, вот это я сделаю как Мартин!» Это был один из способов испытать самого себя.

Тем временем в триалах появилось несколько чумовых стилей, которые были не менее вдохновляющими. Появился движ под названием TGS (Taps, Gaps and Sidehops), в котором такие райдеры, как Нил Танниклифф и Крэйг Ли Скотт, перескакивали и перепрыгивали громадные дистанции. TGS вырос из горного байкинга, и мне просто сносило башню от него. У меня не было ноутбука, а у тети Джин не было компьютера, так что я был немного не в курсе происходящего. Но когда я наконец увидел их, я был поражен. Они прыгали на полметра выше, чем кто-либо прежде, и перескакивали со стен на перила на переднем колесе. Нил и Крэйг подняли планку, и я был несколько удручен. Если стили Мартина и Криса казались доступными, то эти ребята были гораздо выше. И тем не менее я пытался подражать им, хотя и не достигал в этом особого успеха.

Что до работы, то в Bothy Bikes у меня был оклад подмастерья, но низкая зарплата меня не пугала, потому что я жил в хостеле тети Джин и ел по-королевски: в меню были красная рыба, стейки, печеный картофель и большая лазанья из морепродуктов. Готовили там просто легендарно. К счастью, весь этот сверхпитательный обед сжигался за 11-мильный путь до работы на велосипеде. Я получал максимум удовольствия от такого по-настоящему выгодного места, как Bothy. Мне посчастливилось работать над топовыми байками, общаясь с такими же двинутыми, как и я, покупателями. Я покупал детали и велосипеды по рыночной цене, и вскоре меня осенило: мне светит победа. Не работай я там, мне пришлось бы скопить огромную сумму, чтобы позволить себе то, что я мог просто забрать из магазина.

Да и обстановка там была что надо. Bothy Bikes переехал из хай-стрит Эвимора и теперь находился посреди национального парка, так что в него постоянно заглядывало огромное количество народа – от детей до профессиональных райдеров. По большей части он специализировался на топовых горных байках, таких как Santa Cruz, Scott и Kona, хотя значительная доля прибыли также приходилась на велопрокат для туристов, желающих исследовать парк. Если у вас была тяга к райдерству, то это место было как раз то что надо. Новый магазин был стилизован под шотландский лесной домик, один из тех, которые обычно используют для укрытия в непогоду или для хранения вещей и часто оставляют открытыми для всеобщего пользования. Он находился у дороги, скрытый в лесу, словно хижина из какой-нибудь сказки. Когда выпадал снег – а здесь зимой его было особенно много, – магазин выглядел так, словно сошел с рождественской открытки.

Для меня не было лучшего места работы, чем Bothy, потому что там я мог гонять сколько угодно (то есть когда я не работал в магазине, слушая Mercury Rev и Rage Against The Machine), а день мой обычно начинался с поездки до магазина на моем триальном велике. Часто я появлялся на месте первым. Во время ленча я делал еще один 55-минутный заезд, в оставшиеся до конца перерыва несколько минут бросал в себя сэндвич и возвращался на место. Над магазином возвышался большой холм Крэйгеллечи. Если я был достаточно проворен, я успевал добраться до самой вершины, а затем сорваться вниз по крутейшей тропе; часто я проделывал это на демонстрационном горном веле, который брал в Bothy. Иногда я катался с Марком, который тоже работал там. После работы я несколько часов зависал на Каменистой Парковке с моим триальным велом, а после проезжал 11 миль до дома. Я, наверное, был в прекрасной форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.